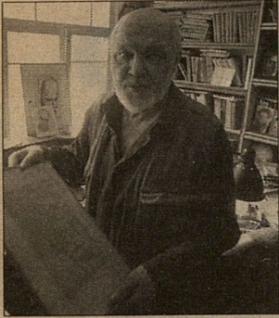

26 - 27

№26 (1051) 11.04—13.04.2005 г.

НОВАЯ ГАЗЕТА

Сергей КУЗНЕЦОВ

ЮРИЙ
КАРЯКИН

Когда бы грек
увидел наши игры...
О. Манделштам

Словно в зеркале
страшной ночи
И беснуется
и не хочет
Узнавать себя человек...
А. Ахматова

Эта работа Эрнста
Неизвестного
лежала на столе
папы Иоанна
Павла II

Почему такое посвящение? Да потому, что она — его мама, а у нее — такой сын. Потому, что она (по профессии биолог, доктор наук, из тех гонимых генетиков) и сегодня, в свои 102 года, работает — пишет стихи. За последнюю книжку стихов получила престижную американскую премию (сейчас живет в США). Потому что она выжила, получив две похоронки на сына, ушедшего добровольцем на фронт в 17 лет и «посмертно» награжденного орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу», а потом встретила его, чудом выжившего после тяжелого ранения.

Потому что ее сын, искалеченный на войне, с перебитым позвоночником, сумел закончить Суриковское училище, параллельно учась на философском факультете МГУ, стал скульптором, получил благословение великого Сергея Коненкова, академика Конрада, Михаила Бахтина. Выиграл несколько конкурсов, международных и у себя на родине. А еще потому, что он прошел и выдержал еще одну войну — травлю, один против всех, начиная с Генсека ЦК КПСС (Никиты Хрущева) и начальника КГБ (Шелепина) и кончая мелкими партийными боссами и многочисленными завистниками из сталинских лауреатов.

Потому что в свои 50 ее сын, так и не присоединившийся к стае прикормленных чинуш МОСХа, лишенный государственных заказов и какой-либо поддержки, «невыездной» победитель, покинул родину. Но перед этим поставил памятник Н.С. Хрущеву (по просьбе его семьи, а возможно, по завещанию его самого). И когда я побывал в 1992 году в США у Э. Неизвестного и А.И. Солженицына, услышал от них одну и ту же фразу: «Вот дураки, что выгнали, я бы там умер от удущья!».

Потому что ей, матери, довелось увидеть, как ее сын начал на Западе все с нуля и добился триумфа и там, и в новой России.

Есть три способа познания мира. Первый — равнодушно-объективистский.

Этот способ очень важный, я его не отрицаю. Он позволяет многое добыть.

Второй — ненависть из зависти. Способ этот — своего рода страсть выскидывать слабые места у человека и бить по ним больно и сладострастно.

Есть третий способ — любовь. Я предпочитаю этот третий способ.

В Эрнста я влюбился вначале, как мальчишка. А потом полюбил, кажется, да не кажется, а теперь ясно — навсегда. Именно любовь к нему, я думаю, и позволила мне чуточку его понять.

Помню нашу первую встречу. 1964-й. Мастерская в Б о л ь ш о м Сергиевском переулке на Сретенке. Привели меня к нему Мераб Мардашвили и Борис Грушин, которые уже давно с ним дружили.

По обеим сторонам от входной двери — две бронзовые скульптуры: «Пророк» и «Орфей» чуть выше человеческого роста. (Теперь статуэтка «Орфей», уменьшенная в десять раз, ежегодно вручается лауреатам премии

ТЭФИ). А тогда скульптуры служили вешалками для гостей...

Было еще несколько художников и философов, а также один не таящийся стукач — подполковник КГБ, кажется, Леонид, который, шутя, жаловался: «Да на вас, братцы, и доносить нечего. Вы все об искусстве да философии, никакой антисоветчины». Действительно, никакой антисоветчины и не было, и

Я помалкивал и только оглядывался. Что знал я тогда о скульптуре? Да почти ничего. Мы ведь все жили, так сказать, под скульптурно-живописным конвоем — сотни Лениных, указывающих куда-то рукой (каждый раз в разные стороны), меркурьевский Сталин в шинели до пят, Дзержинский на Лубянке, «Рабочий и колхозница»... А тут был

абсолютно другой художественный мир — и незнакомый, и потрясающе живой, и сразу втягивающий в себя так, что, казалось, из него уже не выберешься.

Мы как-то сразу сблизились с Эрнстом, и я стал бывать у него едва ли не ежедневно, а одно время около месяца просто жил в этой его мастерской. Эти двенадцать лет — до отъезда

моей трагической мощью этой музыки, но еще не разбираясь в «словах-нотах», в композиции...

Был такой курьезный случай. Однажды в мастерской одного скульптора, моего давнего знакомого (там было довольно много народа), я осмелился сказать что-то хорошее об Эрнсте. И вдруг в ответ услышал хорошее: «Опять о нем! Да у него же все от Генри Мура. Сплошной плагиат! Жалкое подража-

Художник Возрождения в эпоху Апокалипсиса

Посвящается маме
Эрнста Неизвестного —
Бэлле Абрамовне Дижур

его в 1976 году — стоили двух-трех университетов.

Как-то, еще в самом начале, он спросил меня: «Все что-нибудь говорят о работах, а ты почему-то молчишь». — «Эрик, я просто стесняюсь. Ты переселил меня в какую-то санскритскую страну, а я пока ни слова на этом языке не знаю. Дай мне время на ликбез...». Я уже чувствовал неотрази-

ние!». Тон был настолько категоричский, что я устыдился своего невежества (о Муре вообще ничего не знал). Однако не мог не поразиться какой-то озлобленности, ревности, чтобы не сказать — зависти. Чувствовалось что-то давно накопившееся: «Какой он гений — мы же вместе начинали...».

Раздобыв альбомы Г. Мура и его статьи, месяца два изучал. Сам Мур рассказывает: однажды, лежа на берегу океана, он вдруг залюбовался «голышами» — вот камушки, сотворенные и обласканные вековой работой воды, ветра и Солнца. А еще в «голышках» есть отверстия, столь же плавные, как весь камень. «Я постиг объем, постиг скульптуру, постиг другую — ТУ — сторону, другое измерение...».

А я вдруг понял, чем «дыра» Э. Неизвестного отличается от «дыр» милейшего гениального англичанина: тут не вековая плавная работа волн, ветра и солнца. Тут — удар, катастрофа, рана. Тут страшная работа беды и боли, душевной и физической. Тут — взрыв... Пробивается, разрывается тело. Отлетают, разлетаются руки, ноги, пальцы, головы, глаза. На самом деле все это происходит в душе, с душами... Нет, нет, не

Эрнст Неизвестный.
«Атомный взрыв»